

УДК 398.22(=512.157)

DOI 10.25587/SVUFU.2018.12.22342

Н. Н. Ефремов

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

ЭПИЧЕСКИЕ ФОРМУЛЫ В ОЛОНХО СЕВЕРНЫХ ЯКУТОВ: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Предметом данной статьи является структурно-семантическая организация конструкций эпических формул в олонхо северных – есеейских якутов. Цель статьи – выявление на материале двух вариантов одного олонхо есеейских якутов структурно-семантических особенностей конструкций обсуждаемых эпических формул. В результате анализа двух вариантов олонхо есеейских якутов установлено, что в рассмотренных текстах в целом употреблена (за исключением формулы эпического времени) основная система формул, которая встречается в олонхо других локальных традиций. Обсуждаемые формулы имеют более краткую структуру и представлены несколько иным характером лексико-грамматического наполнения состава предложений, в которых они реализуются. Формулы в вариантах анализируемого олонхо представлены в целом типологически сходными конструкциями (например, конструкциями, оформленными именем на -лаах, причастиями, глаголами и т. д.). При этом формулы второго варианта характеризуются более краткой структурой. Кроме того, в них имеет место избыточное употребление эвиденциальных средств – сочетание вспомогательного глагола (*буолтара*) с частицами (*эбитэ үһү*). Последние в современном якутском языке являются ядерными репрезентантами категории эвиденциальности. В лексическом составе параллелизмов и фраз встречаются диалектные слова (например, *тахаат* вместо *чөҥөчөк* ‘пень’, *мангш* ‘давнишний, прежний’, *һилдиэ* ‘буря’, *мииннэр* вместо *миинэр минэ* ‘упряжной скот’ и т. д.), характерные для данного говора якутского языка. Кроме того имеют место и русизмы (*кинээс* ‘князец’, *тарсыына* ‘старшина’, *полтууда* (вм. *бонпууда*) ‘полпууда’, *нэстилик* ‘наслед’ и др.), которые выступают в роли компонентов как членов определённых параллелизмов, так и фраз. В тексте обсуждаемого олонхо много диалектных фонетических соответствий: *с~һ*, *б~г*, *к~х*, *м~б*, *х~л*, *э~и* и др. Исследование эпических формул на материале олонхо северных – есеейских якутов в сопоставлении с олонхо других локальных традиций может пролить свет в решение проблемы функционирования подобных формул в олонхо разных локальных традиций.

Ключевые слова: эпос, северные якуты, олонхо, эпическая формула, конструкция, структурно-семантический анализ, параллелизм, глагол, частица, сказуемое.

Благодарности: Исследование подготовлено в рамках проекта РФФИ № 18-412-140013 р_а «Эпическое наследие арктических (северных) якутов в контексте этнической истории (проблема взаимодействия и взаимовлияния)».

N. N. Efremov

Epic formulas in the Northern Yakut Olonkho: structural-semantic analysis

Abstract. The subject of this article is the structural-semantic organization of the constructions of epic formulas in the olonkho of the northern – Essey Yakuts. The purpose of the article is to reveal the description on

ЕФРЕМОВ Николай Николаевич – д. филол. н., г. н. с. отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия.

E-mail: nik.efrem50@mail.ru

EFREMOV Nikolay Nikolaevich – Doctor of Philological Sciences, Principal Researcher, Department of Yakut language, Institute for Humanities and Indigenous Studies of the North, Siberian branch of Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia.

E-mail: nik.efrem50@mail.ru

the material of two variants of the same olonkho of Essey Yakuts structural and semantic features of the structures of the discussed epic formulas. As a result of the analysis of two variants of olonkho Essey Yakuts, it was found that in the reviewed texts as a whole, the main system of formulas used in the olonkho of other local traditions is used (with the exception of the epic time formula). The formulas under discussion have a shorter structure and are represented by a slightly different character of the lexical and grammatical content of the composition of the sentences in which they are implemented. The formulas in the variants of the analyzed olonkho are represented on the whole by typologically similar constructions (for example, constructions decorated with the name in *-laah*, participles, verbs, etc.). Moreover, the formulas of the second variant are characterized by a shorter structure. In addition, there is an excessive use of evidential means – a combination of an auxiliary verb (*buoltara*) with particles (*ebite uhu*). The latter in the modern Yakut language are nuclear representatives of the category of evidentiality. In the lexical composition of parallelisms and phrases there are dialect words (for example, *tahaat* instead of *chyongyochyok* ‘stump’, *mangii* ‘long-time’, *hildie* ‘storm’, *miinner* instead of *miiner menge* ‘plow cattle’ etc.) characteristic of this speaking Yakut language. In addition, there are also Russianisms (*kinees* ‘prince’, *tarsyyna* ‘foreman’, *polpuuda* (instead *boppuuda*) ‘half of pud’, *nestileek* ‘nasleg’, etc.); which act as components of both members of certain parallelisms and phrases. In the text of the discussed olonkho many dialect phonetic correspondences: c~h, ɟ~g, k~x, m~b, x~l, e~i, etc. The study of epic formulas on the material of the olonkho northern Essey Yakuts compared to the olonkho of others local traditions can shed light on the solution of the problem of the functioning of similar formulas in the olonkho of different local traditions.

Keywords: epic, northern Yakuts, olonkho, epic formula, construction, structural-semantic analysis, parallelism, verb, particle, predicate.

Acknowledgments: The study was prepared within the framework of the RFFR, project No. 18-412-140013 p_a “The Epic Heritage of the Arctic (Northern) Yakuts in the Context of Ethnic History (the Problem of Interaction and Mutual Influence)”.

Введение

Северными якутами в узком понимании называются якуты-оленеводы, населяющие Оленекский, Анабарский, Жиганский, Булунский улусы и представляющие собой пограничные этнографические группы народов Сибири [1]. Впервые о якутах-оленеводах высказался Г. В. Ксенофонов, который в своей работе «Ураангхай-сахалар» писал о наличии особой этнографической группы северных якутов-оленеводов, появившихся здесь в глубокой древности [2, с. 267-413]. П. Е. Ефремов в ареал распространения этого субэтноса, состоящего из двух этнических компонентов, якутского и эвенского, включает часть Усть-Янского улуса Республики Саха (Якутия), часть Илимпейского района бывшего Эвенкийского округа Красноярского края, а также территорию проживания долган на Таймыре в Красноярском крае [3, с. 118]. При определении понятия «северные якуты» мы придерживаемся данного положения.

Задача отдельного изучения становления и эволюции жанров фольклора этнолокальных групп вилюйских и северных якутов была поставлена Г. В. Ксенофоновым [3, с. 118]. В настоящее время имеется всего 24 текста олонхо северных якутов: полных, сюжетного содержания и отрывков [3, с. 119-120]. Установлено, что олонхо бытовало на всех местах расселения северных якутов-оленеводов, а крупным очагом эпоса олонхо в XX в. по количеству и качеству записей является озеро Ессей Красноярского края.

В нашей статье на материалах двух вариантов одного олонхо ессейских якутов рассматривается структурно-семантическая организация синтаксических конструкций, в которых реализуются эпические формулы.

В якутской фольклористике под эпической формулой подразумеваются художественно отшлифованная тирада – самая крупная законченная смысловая и ритмическая группа стихотворного текста, содержащая целостную описательную картину и образ [4, с. 101]. Отмечается краткость основного структурного ядра подобных формул и наличие в них так называемого опорного словосочетания: эпические «формулы по объему кратки, основная мысль концентрируется на опорном словосочетании, по содержанию афористичны, по художественной форме поэтичны» [5, с. 28]. В лингвистическом плане эпические формулы базируются на основном законе строя якутского языка, который представляется в виде атрибутивной конструкции –

«препозитивный уточняющий компонент + постпозитивный уточняемый компонент» [6]. В подобных конструкциях препозитивный компонент является более определённым, нежели постпозитивный, потому он функционирует как их уточняющий, более конкретизированный, опорный компонент. Это позволяет квалифицировать эпическую формулу как проявление на эпическом уровне указанной языковой конструкции [7].

В якутском языкознании проблема формульности языка олонхо получила освещение в трудах ряда исследователей [7, 8, 9].

В нашей работе в качестве материала исследования послужило олонхо «Хотой Бёгё» («Тэлэ-гиитин үрдүнэн тэлэр көмүс хомусуоллаах Хотой Бёҕө») [10], записанное Н. В. Емельяновым в 1959 г. от двух сказителей – М. И. Еспек и Е. Х. Осогостох. Поэтому данное олонхо имеет два варианта: (1) – вариант олонхо, записанный у М. И. Еспек, (2) – вариант Е. Х. Осогостох.

Эпические формулы и их конструкции в вариантах олонхо «Хотой Бёгё»

В обоих вариантах данного олонхо отсутствует формула эпического времени, которая в форме параллелизма используется как «формула-зачин» [11, с. 491] в олонхо якутов центральной Якутии.

Рассматриваемые варианты олонхо начинаются бытийно-пространственными (локативными) предложениями (о бытийно-локативных моделях см.: [12, с. 10-11]) со сказуемым в форме преждепрошедшего повествовательного времени в сочетании с миративной и эвиденциальной частицей: *олорбута үһү* ‘жил он, говорят’, *олорбута эбитэ үһү* ‘жил-был, говорят’. Текст (1) предваряется бытийной конструкцией (‘Жил, говорят, Харахантай Тойон’), которая характеризуется определительной конструкцией в форме двучленного параллелизма, оформленного именем обладания *-лаах*. Текст (2) начинается фразой ‘Жил-был, говорят, один старик’, форма сказуемого которой (*-быта эбитэ үһү*) «широко употребительна ... в языке сказок» [13, с. 79]. Актант-локализатор (‘На свете’) в указанной фразе текста (2) размещён после сказуемого, а определения (‘восемь дочерей имеющий, девять парней имеющий’) замыкают данную фразу. Как видно, порядок слов во фразе (2) свободный. В (1) обсуждаемая фраза имеет стихотворную форму, во (2) – прозаическую:

(1) <i>Харабын аннытыгар хаппар саба мэҥнээх,</i>	(2) <i>Биир оҕонньор, олорбута эбитэ үһү,</i>
<i>Уоһун үрдүтүгэр Һутурук Һаба урдаах,</i>	<i>Аан дойдуга абыс кыыстаах,</i>
<i>Харахаантай Тойон, олорбута үһү,</i>	<i>Тоҕус уоллаах.</i>
<i>Абыс кыыстаах, тоҕус уоллаах;</i>	<i>Аан дойду өрүһэ</i>
<i>Эмий куурдар, эмсэх эмэр ылгын уола</i>	<i>Аллан өрүс тохтор туттааҕар,</i>
<i>Тэлэгиитин үрдүнэн</i>	<i>Быстар төбөтүгэр дьылзээх,</i>
<i>Тэлэр көмүс хомусуоллаах Хотой Бёҕө</i>	<i>Харабын үрдүтүгэр Һутурук саба урдаах</i>
- [10, с. 29]. *Харахаантай Тойон*, [10, с. 49].

Эпическая формула «Имя героя олонхо», как и в олонхо других локальных традиций, передаётся определительными конструкциями с параллелизмами, члены которых оформляются именем обладания (*-лаах*) и изафетом. В (1) конструкция данной формулы имеет более расширенную структуру. В ней члены параллелизма выражены формой на *-лаах* и показателем принадлежности (изафета), тогда как в (2) подобные компоненты переданы только именем обладания:

(1) <i>Уоһун уһугар Һутурук Һаба дьоһуоо,</i>	(2) <i>Аан дойду үрээ</i>
<i>Харабын аннытыгар</i>	<i>Аллан үрэх быстар баһар (ср. баһыгар),</i>
<i>Хаппар Һаба мэҥнээх</i>	<i>Тохтор туттааҕар (ср. туттаабыгар) дьылзээх</i>
<i>Харахаантай тойон,</i>	<i>Тэлэгиитин үрдүтүнэн</i>
<i>Абыс кыһын анныта,</i>	<i>Үрүн көмүс хомуһуолаах</i>
<i>Тоҕус уолун тобоҕо,</i>	<i>Хорболдьун курдаах Хотой Бёҕө</i>
<i>Эмий куурдара, эмсэх эһэрэ,</i>	
<i>Тэлэгиитин үрдүнэн</i>	
<i>Тэлэр көмүс хомусуоллаах Хотой Бёҕө</i>	
- [10, с. 31].

Богатство эпического богатыря описывается только в первом олонхо. Оно представлено стихотворной фразой с двучленным параллелизмом, оформленным причастием на *-быт*:

(1) *Ыйы бүлүүр ыыс-тумат сүөһүлээх, У него так много скота, что ими заслоняется*
Кыра үөрэ кытайга кыттыбыт, Бөдөн үөрэ месяц, Его мелкий скот простирается до Ки-
Бөркүүскэтэн (Иркутск? – Н. Е.) бөтөн тур- тая, Крупные стада стоят, образовав пробку от
бут [10, с. 29]. Иркутска [пер. наш].

Эпическая формула «Хозяйственное строение богатыря» – *дал* (загон для скота), амбар, кладовка – представлены в (1). Образ загона описывается эпитетами *алтан* ‘медный’, *көмүс* ‘серебро и золото’, а его фантастические размеры передаются гиперболически – определительной придаточной конструкцией с подлежащим *ат* ‘конь’ и зависимым сказуемым, выраженным глаголом *тийи*- ‘дойти’ в отрицательной форме: ... *аллаах ат / Абылаан-мэнгэлээн тийибэт / Алтан дал онгорбут* ‘он сделал такой загон для скота, что быстрый конь не достигает (его пределов), сколько бы он ни бежал изо всех сил’. Размеры его амбара, кладовки также описываются гиперболически подобными же средствами:

(1) *Ол иһин аллаах ат*
Абылаан-мэнгэлээн тийибэт
Алтан дал онгорбут,
Кэтиилээх ат көтөн кэбилээн тийибэт
Көмүс дал онгорбут
.....

Абыс уон киһи айдааннаан һиппэтэх
Агыс уон ампаардаах,
Тоһуһуон киһи хоһуйан һиппэт
Хоспохтоох буолбута [10, с. 29].

Поэтому он сделал такой медный загон для скота, что быстрый конь не достигает (его пределов), сколько бы он ни бежал изо всех сил, он сделал такой серебряный и золотой загон для скота, что не достигает (его пределов) стремительный конь, сколько бы он ни бежал скачками

.....
Он имеет амбар такого размера, что восемьдесят человек никак не смогут дойти до его краев, он имеет кладовку такого размера, что девяносто человек не могут описать его
[пер. наш].

Эпическая формула «Природа – гора, лес, растительность и др. – эпической страны» передаётся как и в олонхо якутов центральной Якутии изъяснительными конструкциями с показателем *-табына* и *-быттара*. *-табына* и *-быттара* синонимичные структуры: *-быт* – показатель причастия прошедшего времени, *-тах* – неопределенного времени (в контексте данной фразы он характеризуется значением прошедшего времени). В (2) данные натурфакты – деревья, тальники – изображаются при помощи сравнительных структур с эталоном сравнения *кинээс киһи* букв. ‘князец-человек’, *тарсыына киһи* ‘старшина-человек’, т. е. эти факты олицетворяются и сравниваются с образами знатных людей якутского наслега и рода. Как известно, подобные слова со значением ‘наследный староста’, ‘родовой старшина’ являются заимствованиями из русского языка. В (1) слова *чөнгөчөк*, *таахат* (диалектное слово) ‘пень’ описываются образными сравнениями с семантикой противоположной значениям вышеприведённых конструкций: *торбон бөрө чохчойон олорорун курдук* ‘словно сидит голодный волк’, *ырган эһэ һытарын курдук* ‘словно лежит тощий медведь’. Как видно, образ срубленного леса сказителем передаётся в негативной форме. Например:

(1) *Арга диэки көрдөбүнэ*
Арыы-дьарым хайалардаах буолбут,
Илин диэки көрдөбүнэ
Ирим-дьирим тыалардаах буолбут.
Буурдуур булгуннах оттордоох буолбута,
Кыыс киһини харытынан охсулар

Кинилэр обургулар буолан баран
Таһырдыа һулбу ойон көрбүттэрэ
Кинээс киһи кинтэйэн турарын курдук
мастардаах.
Тарсыына (чарчыына. – Н. Е.) киһи
Тарайан турарын курдук

Хампа нуобай оттоох буолбута,
Кылыйа оонньуур кырдаллардаах буолбута.
Торбон бөрө чохчойон олорорун курдук
Токур чөнгөчөктөрдөөх буолбута,
Ырган эһэ һытарын курдук
Ғытыган таахаттардаах буолбута;
Үрүмэтийбэт үүт чомоон
Көлүэйлээх буолбута [10, с. 29].

Талахтардаах буолбуттара,
Кылыйа оонньуур
Кытаайка кырдаллардаах буолбуттара,
Ойо оонньуур
Ойуулаах онкучахтаах буолбуттара,
Үнкүүлүү оонньуур
Үүт чэмээн көлүэйлээх буолтара эбитэ үһү
[10, с. 49-50].

Снаряжения богатыря – палка, лыжи – представлены в (1). Они описаны тоже гиперболой:

Элгээн-былаан күөл
Эриличи тонмутун курдук
Элбэрэлээх тайахтаах буолбута (ср. эбитэ үһү),
Ньолбоолоох күөл
Долгуччу тонмутун курдук
Тууттаах буолбута [10, с. 30].

Говорят, он имел палку такого размера, словно замершее озеро на долине реки, говорят, он имел лыжи таких размеров, словно крепко замершее овальное озеро [пер. наш].

Эпическая формула «Жилище богатыря» представлена в обоих вариантах. Данная формула в рассматриваемых вариантах передаётся конструкциями расширенной (1) и укороченной (2) структур, что обусловлено характерами лексических наполнений составов предложений этих конструкций, а также структурно-семантическими организациями структур, оформляющих члены параллелизмов. В (1) вспомогательный глагол *буол* (*буолбута*) употреблён в функции эвиденциальных частиц *эбитэ үһү* букв. ‘был, оказывается, говорят’. В (2) имеет место двойное использование данных средств: *буолбуттара эбитэ үһү* (ср. *буолбуттара; эбиттэрэ үһү*). В современном якутском языке и языке олонхо якутов эвиденциальные структуры подобного типа обозначаются частицами *эбитэ үһү* [6, 14]. В данном случае в олонхо эссеиских якутов проявляется архаичное диалектное явление якутского языка, которое можно сопоставить с татарской конструкцией, оформленной служебным глаголом *бул-ган* + показатели лица и осложнённой оттенком неочевидности [15, с. 491]. Например:

(1) Дьэтин₁ иһигэр киирэн көрбүтэ:
Кыгыы-кыгыы үктүүр
Кыһыл көмүс муосталаах₂ буолбута₆,
Өбүө-өбүө үктүүр
Үрүн көмүс муосталаах₂ буолбута₆
(ср. эбитэ үһү),
Туойар чороонноох буолбута₆,
Ыллыыр ыскаамыйалаах буолбута₆,
Олонхолуур олох мастаах буолбута₆,
Хотун дьахтар нэлэйэн-хотойон
Олорорун курдук
Нэлбэр хаан оһохтоох₄ буолбута₆,
Манан биэни баһын быһан кээспит курдук
Манан баайдаан остуоллаах буолбута₆,
Сэнээрсэ турар сэбэргэнэлээх₃,
Үөгүлүү турар үгэхтээх,
Хаһыыра турар халбанныах₄ [10, с. 30].

(2) Манан солко бүүтэгэ
Көтө-мөнгө турарын курдук
Көмүс былдырыын балаһаннаах₁ буолтара₆,
Өбөөн үктүүр үрүн көмүс муосталаах₂,
Кыыкырды турар кырабаат оронноох,
Үөгүлүү турар үһүөлээх,
Хаһыыра турар халбанныах₃,
Сэнээрсэ турар сэбэргэнэлээх₃,
Оой дии турар оһохтоох₄,
Буолбуттара₆ эбитэ үһү (ср. буолбуттара;
эбиттэрэ үһү) [10, с. 49].

Если в якутских олонхо других локальных традиций описывается прочное строение юрты, то в рассматриваемых текстах олонхо эссеиских якутов – прочность креплений двери жилища.

Подобная формула представлена целевыми придаточными конструкциями с аналитическим показателем *диэн* 'чтобы':

Халҕанын тэрээбэтин көрбүтэ:

Туллан барыа диэн

Тоһоҕонон туттарбыта,

Үингэнн барыа диэн

Үимэлиэһинэн туттарбыта,

Алдьанан барыа диэн

Алтанынан туттарбыта [10, с. 30].

Он посмотрел на крепления двери:

Чтобы она не отлетела,

Он закрепил её гвоздем,

Чтобы она не обвалилась,

Он закрепил её свинцом,

Чтобы она не сломалась,

Он закрепил её медью [пер. наш].

Речь персонажей олонхо нередко передаётся в прозаической форме:

(1) *Обонньор туран диир:*

«Биһиги туюх һүбэни һүбэлиэхпитий?

Улаан һанҕыахтаах

Улааныскай убайдаах этин.

Ол эмээхсинэ удаан-саҕаһын

Сүүс сылга һылдьаах сүбэҥин сүбэлиэбэ»

[10, с. 32].

Старик же говорит:

«Мы какой совет тебе посоветуем?

У тебя был старший брат Уланыский в светло-серой меховой дохе.

Его жена старуха-удаганка

Посоветует тебе прожить сто лет» [пер. наш].

В (1) после речи героя олонхо употреблено предложение со сказуемым, выраженным глаголом в форме на *-тах* в значении глагола недавнопрошедшего (определённого) времени (структура *-тах+аффикс лица-числа* – в современном языке: форма предположительного наклонения):

Хотой Бөҕө һаҕаһыгар бардаҕа [10, с. 32] (ср. *барда* 'ушел (только что)'; *барбыта* 'ушел (давно)' – 'Хотой Бөгё ушел к невестке').

Эпическая формула «Стремительная езда богатыря» в (1) построена по типичной схеме, которая встречается и в других олонхо и оформляется в виде подлежащего придаточного предложения:

Талабы таарыйбыта Ньарылаан хаалан испитэ [10, с. 32] букв. 'То, что он (в своём пути, проезжая) задевал тальники, оставалось с громким плачем'.

Эпическая формула «Дальняя стремительная поездка богатыря» в (2) выражена конструкцией расширенной структуры. В ней в отличие от (1) пропущено деепричастие *билэн* (<*бил* – 'чувствовать, ощущать, осязать' [11, с. 301]). Стремительность и целеустремлённость богатыря в своей дальней поездке на коне передаётся обстоятельством образа действия *һайынҕытын һ(с)амырынан (билэн)* букв. 'чувствуя по дождям то, что уже наступило лето', которое актуализируется параллелизмом с двумя (1) и четырьмя (2) членами. В конструкции рассматриваемой формулы описывается, что богатырь в своём дальнем пути так сильно устремлён, что даже не чувствует, как сменяются времена года:

(1) ... *Хотой Бөҕө*

Һайынҕытын һамырынан билэн,

Кыһынҕытын кырыатынан билэн,

Айаннаан көтүөлээн иһэр [10, с. 36].

(2) *Кыһынҕытын кырыатынан,*

Һайынҕытын һамырынан,

Сааскытын өксүөнүнэн,

Күһүннүтүн көмнөбүнэн,

Биирди көстөөх сир

Биирди тэ ойута,

Ойутта [10, с. 54].

Заключение

Анализ основных эпических формул в двух вариантах олонхо эссеистических якутов показал, что данные формулы типичны и в олонхо других локальных традиций. Однако они более кратки и характеризуются несколько иным лексическим наполнением состава конструкций, в которых

реализуются обсуждаемые формулы. Параллелизмы, которые участвуют в образовании эпических формул и стихотворных предложений олонхо, представлены также сравнительно короткими структурами. В рассмотренных нами текстах олонхо отсутствует формула эпического времени, которая является типичной формулой-зачином в олонхо якутов центральных и вилуйских улусов Якутии. Наличие диалектных слов и русизмов в фразах рассмотренных олонхо свидетельствует о том, что в обсуждаемом олонхо экстенсивно используются и диалектные, и заимствованные единицы языка. Функционирование вспомогательного глагола *буол-* (*буолбута*) в роли средства выражения засвидетельствованности (эвиденциальности) подтверждает проявление в нём функции недостаточного глагола *э-*, который в форме *-быт+a үһү* (*>эбитэ үһү*) выступает в современном литературном якутском языке в качестве показателя эвиденциальности.

Литература

1. Боякова С. И. Г. В. Ксенофонов и концепция пограничных этнографических групп: к дискуссии об этнической принадлежности населения Северо-Запада Якутии // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2012, № 1(4). – С. 64-67.
2. Ксенофонов Г. В. Ураангхай-сахалар: очерки по древней истории якутов. Т. 1. Кн. 1. – Якутск: Нац. изд-во РС (Я), 1992. – 416 с.
3. Мухоплева С. Д. Эпос северных якутов-оленевонов: история собирания, издания и исследования // Традиционная культура. – 2015, № 1(57). – С. 117-132.
4. Васильев Г. М. Якутское стихосложение. – Якутск: Кн. изд-во, 1965. – 125 с.
5. Илларионов В. В. Якутское сказительство и проблема возрождения олонхо. – Новосибирск: Наука, 2006. – 191 с.
6. Ефремов Н. Н. Эпические формулы в тексте якутского героического эпоса – олонхо: лингвистический аспект // Вестник Северо-Восточного федерального университета. – 2013, № 1. – С. 64-67.
7. Ефремов Н. Н. К проблематике формульности текста олонхо (в контексте связанных с ней языковых и иных явлений) // Олонхо – духовное наследие народа саха. – Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2000. – С. 150-159.
8. Слепцов П. А. Якутский литературный язык: формирование и развитие общенациональных форм. – Новосибирск: Наука, 1990. – 277 с.
9. Роббек Л. В. Лексико-семантические особенности языка якутского героического эпоса олонхо. – Новосибирск: Наука, 2014. – 140 с.
10. Дьэһиэй сахаларын фольклора / Отв. ред. А. И. Саввинов. – Якутск: Агроинформ, 2002. – 228 с. (на якутском яз.)
11. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. 2 / под редакцией П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2006. – 910 с.
12. Шилова В. В. Пространственные модели элементарных простых предложений в ненецком языке. В 2 ч. Ч. 2. – Новосибирск: НГУ, 2003. – 184 с.
13. Коркина Е. И. Наклонения глагола в якутском языке. – М.: Наука, 1970. – 307 с.
14. Ефремов Н. Н. Эвиденциальные конструкции в эпическом тексте (по материалам якутского героического эпоса) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2011, № 3(10). – С. 52-55.
15. Исхакова Х. Ф., Насилов Д. М., Невская И. А., Шенцова И. В. Эвиденциальность в тюркских языках // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. – СПб.: Наука, 2007. – С. 469-518.

References

1. Boyakova S. I. G. V. *Ksenofontov i koncepciya pograniichnyh etnograficheskikh grupp: k diskussii ob etnicheskoj prinadlezhnosti naseleniya Severo-Zapada Yakutii* [G. V. Ksenofontov and concept of border ethnographic groups: a discussion about the ethnicity of the population of the North-West of Yakutia]. In: *Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik* [North-Eastern humanitarian herald]. 2012, No. 1(4), pp. 64-67.
2. Ksenofontov G. V. *Uraanghaj-sahalar: ocherki po drevnej istorii yakutov* [Uranghai-sakhalar: essays on the ancient history of the Yakuts]. Vol. 1, Book 1. Yakutsk, Nac. izd-vo RS (Ya), 1992, 416 p.
3. Muhopleva S. D. *Epos severnyh yakutov-olenevodov: istoriya sobiraniya, izdaniya i issledovaniya* [Epic

of the Northern Yakut-herders: a history of collecting, publishing and research]. In: *Tradicionnaya kul'tura* [Traditional culture]. 2015, No. 1(57), pp. 117-132.

4. Vasil'ev G. M. *Yakutskoe stihoslozhenie* [Yakut versification]. Yakutsk, Kn. izd-vo, 1965, 125 p.

5. Illarionov V. V. *Yakutskoe skazitel'stvo i problema vozrozhdeniya olonkho* [Yakut storytelling and problem of revival of the olonkho]. Novosibirsk, Nauka, 2006, 191 p.

6. Efremov N. N. *Epicheskie formuly v tekste yakutskogo geroicheskogo eposa – olonkho: lingvisticheskij aspekt* [Epic formulas in the text of the Yakut heroic epic olonkho: linguistic aspect]. In: *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta* [Herald of NEFU]. 2013, No. 1, pp. 64-67.

7. Efremov N. N. *K problematike formul'nosti teksta olonkho (v kontekste svyazannyh s nej yazykovykh i inyh yavleniy)* [To the problem of the textuality of the text of the olonkho (in the context of its linguistic and other phenomena)]. In: *Olonkho – duhovnoe nasledie naroda saha* [Olonkho – the spiritual heritage of the Sakha people]. Yakutsk, IGI AN RS (Ya), 2000, pp. 150-159.

8. Slepcev P. A. *Yakutskij literaturnyj yazyk: formirovanie i razvitie obshchenacional'nykh form* [Yakut literary language: the formation and development of national forms]. Novosibirsk, Nauka, 1990, 277 p.

9. Robbek L. V. *Leksiko-semanticheskie osobennosti yazyka yakutskogo geroicheskogo eposa olonkho* [Lexical and semantic features of the language of the Yakut heroic epic olonkho]. Novosibirsk, Nauka, 2014, 140 p.

10. *Dzhehiej sahalaryn fol'klora* [Folklore of Essey Yakuts]. Otv. red. A. I. Savvinov. Yakutsk, Agroinform, 2002, 228 p.

11. *Bol'shoj tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka: v 15 t. T. 2* [Big definition dictionary of the Yakut language: in 15 vol. Vol. 2]. Pod red. P. A. Slepceva. Novosibirsk, Nauka, 2006, 910 p.

12. Shilova V. V. *Prostranstvennye modeli elementarnykh prostykh predlozheniy v neneckom yazyke. V 2 ch. Ch. 2* [Spatial models of elementary simple sentences in the Nenets language. In 2 parts. P. 2]. Novosibirsk, NGU, 2003, 184 p.

13. Korkina E. I. *Nakloneniya glagola v yakutskom yazyke* [Verb modality in the Yakut language]. Moscow, Nauka, 1970, 307 p.

14. Efremov N. N. *Evidencial'nye konstrukcii v epicheskom tekste (po materialam yakutskogo geroicheskogo eposa)* [Evident constructions in the epic text (based on materials of the Yakut heroic epic)]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice]. 2011, No. 3(10), pp. 52-55.

15. Iskhakova H. F., Nasilov D. M., Nevskaya I. A., Shencova I. V. *Evidencial'nost' v tyurkskih yazykah* [Evidentiality in Turkic languages]. In: *Evidencial'nost' v yazykah Evropy i Azii* [Evidentiality in Europe and Asia languages]. Saint Petersburg, Nauka, 2007, pp. 469-518.